

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЛЕР

Книги
Нины Георге:

Лавандовая комната

Музыка лунного света

Книга снов

НИНА ГЕОРГЕ

Книга снов

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44
Г 36

Nina George
THE BOOK OF DREAMS
Copyright © 2016 by Nina George
Originally published as DAS TRAUMBUCH in 2016
by Droemer Knauer
All rights reserved

Перевод с немецкого Анны Баренковой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-16885-5

© А. В. Баренкова, перевод, 2021
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

*Я посвящаю этот роман своей матери,
Ютте Марианне Георге по прозвищу Юшка,
более сорока восьми лет любимой Джо Широкоплечим.
Невероятная женщина, великолепная художница
и с детских лет моя подруга, которая с радостью
сопровождала меня в путешествиях
по всем воображаемым мирам.
Мама, мы разделяем с тобой любовь к нашим отцам,
к Парижу и к миру, который чуть-чуть отстоит
от реальности.*

НИНА ГЕОРГЕ,
декабрь 2015 г.

*Возможно, все мы лишь истории,
которые сейчас кто-то читает.*

День 1-й

ГЕНРИ

Я спрыгиваю.

Падение длится всего несколько секунд, но я успеваю услышать гул автомобильных моторов на Хаммерсмитском мосту — час пик; успеваю вдохнуть все запахи города, уходящей весны, росы на листьях. Затем удар, холодная вода смыкается над моей головой. Я плыву, плыву быстрее, плыву с отливным течением. Море, находящееся в пятидесяти километрах отсюда, засасывает реку. Мое тело все еще помнит океанские приливы, такое чувство, будто я никогда не уезжал от моря, хотя в последний раз плавал в водах Атлантики двадцать пять лет назад.

Вот я хватаю девочку.

Река тянет малышку за собой, хочет овладеть ею, растворить ее тело, сорвать улыбку с ее губ, забрать надежду, оставив один лишь страх, отобрать будущее у ее жизни.

Она тонет в глиняно-бурой воде.

Я ныряю, подтягиваю ее за волосы к себе. Мне удается поймать ее за худенькое, выскальзывающее из рук плечико. Хватаюсь крепче, перевожу дух от напряжения, захлебываясь водой, она соленая и ледяная.

Темза обнимает меня.

Личико со светлыми, как зимнее море, глазами приближается ко мне. Одной рукой девочка зажимает нос, как будто прыгнула с бортика бассейна в теплую хлорированную воду. А ведь она упала за борт. За борт одного из тех прогулочных кораблей, что катают туристов по Темзе от «Лондонского ока», гигантского колеса обозрения, расположенного недалеко от Биг-Бена, до Гринвича и обратно. Девочка встала на перила, забралась на предпоследнюю перекладину и подставила мордашку лучам майского солнца. Когда волна подбросила корабль, ее перекинуло вперед, через перила. Девочка даже не вскрикнула. Лишь безграничное любопытство светилось в ее взгляде.

Мы видели, как она падает. Целующаяся на Хаммерсмитском мосту парочка, нищий в поношенном смокинге и я. Нищий поднялся со своего «рабочего места» — картонки, брошенной на солнце у зеленых перил подвесного, на цепях, моста.

Он пробормотал: «О боже!» Парочка уставилась на меня. Все трое не пошевелились. Они только смотрели на меня.

И вот я перелез через зеленые кованые перила моста. Дождался, когда подо мной всплывет маленький кулек.

И спрыгнул.

Вот она смотрит на меня с таким доверием и надеждой, которых человек, подобный мне, не заслуживает. Малышка вынуждена рассчитывать только на меня.

Я приподнимаю худенькое, выскальзывающее из рук тельце. Девочка пинает меня ногами в грудь, в голову, в лицо.

Я захлебываюсь, дышу водой.

И все же мне удается вынырнуть на поверхность, и мир вновь наполняется звуками, майский ветерок ласкает мокрое лицо, волны брызжут мне в глаза. Я поворачиваюсь на спину и укладываюсь в зыбкую водную колыбель, устраиваю девочку на своей груди так, что она может свободно дышать и видеть голубое небо. Итак, Темза подхватывает нас, несет мимо кирпичных фасадов и деревянных лодок у илистого берега.

Девочка жадно хватая воздух ртом, кашляет. Ей, наверное, годика четыре или пять, я плохо разбираюсь в детях, даже в собственном ребенке. Сэмюэле. Сэме.

Ему тринадцать, и он ждет меня.

До сих пор. До сих пор ждет меня. А я так и не объявился.

Я принимаюсь напевать мелодию «*La Mer*»¹. Знаменитую величественную песню о красоте моря, строчки на французском сами всплывают в памяти, хотя я не говорил на языке своей родины с восемнадцати лет. И вот теперь этот язык возвращается ко мне.

Я пою и ощущаю, как сердце девочки начинает биться все спокойнее и спокойнее, чувствую, как работают ее маленькие легкие, чувствую ее доверие сквозь тонкий слой воды и страха. Я держу ее и, лежа на спине, гребу одной рукой в направлении берега и небольшого причала. Моя одежда отяжелела от воды. Я по-лягушачьи толкаюсь ногами и орудую рукой, как одорукий бандит.

— Все будет хорошо, — шепчу я.

¹ «*La Mer*» (*фр.* «Море») — песня Шарля Трене 1946 года.

И Эдди в моей голове отвечает, четко, словно она произносит это прямо мне в ухо: «Генри, ты не умеешь врать. Это одна из самых сильных твоих сторон».

Эдди — лучшее, что так и не случилось в моей жизни.

Плечом я утыкаюсь в плавучую глыбу причала. Недалеко от нас лестница.

Я обхватываю девчужку и поднимаю ее.

Придерживая ее крошечные ножки, я подталкиваю малышку выше, еще выше, ей удастся схватиться за что-то, и вот я больше не чувствую ее ног.

Следом и я выбираюсь из реки, беру на руки измученного ребенка, который изо всех сил старается не плакать, и бегу мимо желтых, красных и серых кирпичных домов, обратно на Хаммерсмитский мост. Девочка обеими руками обхватила меня за шею и уткнулась лицом в плечо. Она почти совсем ничего не весит и все же заметно тяжелеет, пока я бегу и думаю о том, что сейчас мне и правда нужно поторопиться, чтобы успеть к Сэму. Мне нужно к нему. Нужно. Мой сын ждет меня в школе.

Парочка все еще стоит на Хаммерсмитском мосту, прильнув друг к другу. Дамочка уставилась на меня своими огромными, блестящими от алкоголя глазами, она напоминает мне Эмми Уайнхаус — у нее такие же черные стрелки и осиное гнездо на голове. Парень не перестает повторять: «Не может быть, старик, не может быть, ты и правда вытащил ее, этого просто не может быть». На меня обращен объектив его мобильного.

— Вы только снимали или все-таки додумались позвать на помощь? — рычу я на него.

Я опускаю девочку на землю. Она не хочет отпустить меня, цепляется за шею, ее пальчики хватаются за мои мокрые волосы, соскальзывают.

Вдруг на меня наваливается слабость, и я теряю равновесие. Не могу больше держаться на ногах и валюсь на дорогу.

Девочка кричит.

Что-то большое и теплое за моим плечом. Замечаю искаженное ужасом лицо за лобовым стеклом, вижу черный, блестящий на солнце капот, который отбрасывает в сторону всю нижнюю часть моего тела.

Потом я вижу собственную тень на асфальте, которая с сумасшедшей скоростью летит мне навстречу.

Раздается звук, похожий на треск яичной скорлупы при ударе по краю фарфоровой чашки.

Боль в голове непомерная — хуже, чем резкий глубокий укол, как бывает, если враз проглотить слишком много мороженого.

Внезапно все вокруг смолкает. Я исчезаю, вращаюсь в землю. Погружаюсь все глубже и все быстрее, словно падаю в какой-то черный омут, скрытый под асфальтом, прямо подо мной.

Из мрачной глубины воронки что-то всматривается в меня, будто ожидая. Надо мной раскинулось небо. Оно удаляется от меня, поднимается все выше и выше.

Я вижу лицо девочки, склоненное надо мной, ее странно знакомые глаза цвета зимнего моря, которые смотрят на меня с грустью, пока я просачиваюсь в камень. Море, плещущееся в ее глазах, сливается с водами надо мной. Затем я сливаюсь с этим морем, вода заполняет меня.

Мужчины и женщины толпятся вокруг этого моря, они почти полностью закрывают от меня голубое небо.

Я слышу, о чем они думают.

Женщина за рулем до последнего старалась увернуться.

Это все свет встречных машин, он ослепил ее. Все из-за света. Она просто не заметила его.

Я думала, это пьяный, когда он рухнул на проезжую часть.

Он еще жив?

Я узнаю нищего в поношенном смокинге, который расталкивает окружившую меня толпу, и на мгновение снова замечаю небо, такое бесконечно прекрасное.

Я закрываю глаза. Немного отдохну, а потом встану и пойду дальше, приду почти вовремя. Когда будут оглашать присутствующих в День отца и сына, то до нас, до Сэма и до меня, дойдут не сразу. У него фамилия матери, он почти в самом конце списка.

*Дорогой папа,
мы не знаем друг друга, и мне кажется, это нужно исправить. Если ты тоже так считаешь, приходи 18 мая на День отца и сына в школу Колет-Корт. Это школа для мальчиков, отделение школы Святого Павла, в районе Барнс, прямо на берегу Темзы. Я буду ждать тебя на улице.*

Сэмюэль Ноам Валентинер

Сэм, я скоро буду. Только передохну немного.

Кто-то снова открывает мне глаза. Край моря виднеется далеко, очень далеко, далеко надо мной, и какой-то мужчина, склонившись над поглотившей меня морской воронкой, что-то кричит.

КНИГА СНОВ

На нем медицинская униформа и солнечные очки в золотой оправе. От него пахнет куревом.

Вижу свое отражение в стеклах его очков, окаймленных золотом, — свое отражение и то, как пустеет мой взгляд, как он стекленеет. Я читаю мысли санитаря.

«Старик, — думает он, заглядывая в воронку, — не надо, старик, не умирай. Пожалуйста. Не умирай».

Высокий протяжный звук подводит прямую черту под моей жизнью.

Не сейчас!

Не сейчас! Еще слишком рано!

Еще слишком...

Слишком...

Протяжный звук оборачивается барабанным боем.

Я спрыгиваю.

День 15-й

СЭМ

14:35. Сэмюэль Ноам Валентинер.

Пациент: Генри М. Скиннер.

Я писал это уже четырнадцать раз.

Но каждый день приходится записываться снова, и каждый день миссис Уолкер протягивает мне черную планшетку с бланком, на котором я печатными буквами фиксирую время, свое имя и имя пациента, к которому пришел.

Строчкой выше стоит Эд Томлин. Эд Томлин тоже навещает моего отца, всегда за несколько часов до меня, пока я в школе. Кто это?

— Я уже был здесь вчера, — говорю я миссис Уолкер.

— Знаю, милый.

Женщина в приемном покое Веллингтонской больницы лжет. Она не узнает меня. Ложь имеет свое звучание, она белее по сравнению с обычным голосом. На бейдже над ее левой грудью красуется ее имя, напечатанное большими буквами: ШЕЙЛА УОЛКЕР. Она называет меня «милый», потому что не знает моего имени. Англичане — они такие, ненавидят говорить друг другу правду в лицо, считают это грубостью.

Шейлу Уолкер тяготят тени прошлых лет, я это вижу, потому что вижу подобное при взгляде на большинство людей. У одних этот груз ве-

лик, у других — меньше, у детей его вовсе нет. Если человека мучают тени прошлого, то это значит, что он родом из таких стран, как Сирия или Афганистан, и тени прошлого растут с ним.

Миссис Уолкер часто приходилось грустить. И теперь она не замечает настоящего, потому что все еще думает о прошлом. Именно поэтому я для нее всего лишь какой-то парень в школьной форме, с жутким ломающимся голосом. Она смотрит на меня и видит, возможно, пляж и свою пустую руку, которую больше некому держать.

А ведь я был тут и вчера, и позавчера. И позавчера. И одиннадцать дней назад. Я прогуливаю то один, то другой урок, до обеда, после обеда, сегодня это французский у мадам Люпшон. Скотт сказал, что нужно распределить мои пропуски между всеми предметами, чтобы они не так сильно бросались в глаза.

Скотт Макмиллан — настоящий специалист. По прогулам, по поиску всякой всячины в «Гугле», по разным вещам, которыми больше никто не занимается. И помимо всего прочего, по шахматам, рисованию и коллекционированию выговоров. В общем, во всем.

Ему тринадцать, его IQ 152 балла, он может подделать любой незнакомый почерк, и у него богатый отец, который его ненавидит. Мой IQ составляет всего 148 баллов, поэтому он «гений», а я «почти гений», или, как выразился бы Скотт: «*Moi — le Brainman*¹, а *toi, mon ami*², специалист-всезнайка». У Скотта *le Brainman* сейчас фран-

¹ *Moi* — я (*фр.*), слово *Brainman* — английский неологизм, который можно перевести как «человек-мозг». В 2005 году появился фильм под таким названием, посвященный Дэниелу Таммету, высокоинтеллектуальному аутисту и синестетику.

² Ты, мой друг (*фр.*).

цузский период, который начался после того, как он освоил китайский и какой-то щелкающий африканский язык.

Мне тоже тринадцать, я синестетик, «синни-идиот обыкновенный», как кое-кто называет меня в школе, и мой отец уже две недели лежит в искусственной коме. Это своего рода длительный наркоз, с тем лишь исключением, что в мозгу у него маленькие аспираторы-отсосы, которые должны снижать давление, еще один аппарат дышит за него, и еще один охлаждает его кровь, и еще один за него ест и ходит в туалет. Сегодня его должны разбудить.

В школе никто не знает, что мой отец в коме, — никто, кроме Скотта. Это потому, что никто не знает, что Стив, муж моей матери, не мой отец. Никто, кроме Скотта. А он как-то сказал мне: «Старик, ты и глазом не успеешь моргнуть, как превратишься в самого интересного парня школы, пусть и на одну лишь золотую неделю. Подумай хорошенько, хочешь ли ты отказаться от такого шанса. Это ведь звездный час в жизни любого парня: вмиг стать самым загадочным типом в школе. Стоит попробовать хотя бы из-за девочек». В действительности он так не считает. Да и девочек в нашей школе нет.

Скотт и я — единственные тринадцатилетние из Колет-Корт, которых приняли в Менсу¹. Скотт называет это сообщество людей с высоким коэффициентом интеллекта «сборищем слабоматиков». Мама говорит, что мне стоит гордиться собой, ведь я один из всего двух несовершеннолет-

¹ *Менса* (лат. *mensa* — стол) — крупнейшая и старейшая организация для людей с высоким коэффициентом интеллекта.

них среди девятистот «молодых интеллектуалов» в Англии, но гордиться по чужой указке — все равно что жевать наждачную бумагу.

Если мама узнает, что я тут...

Возможно, она отдаст меня на усыновление. Возможно, никогда больше не заговорит со мной. Возможно, отправит в интернат. Не знаю.

— Спасибо, милый. — Голос Шейлы Уолкер обретает привычный цвет, когда она забирает планшетку с бланком со стойки и вносит мое имя в компьютер. Ее длинные ногти решительно стучат по клавиатуре в зеленом тоне.

— Тебе на второй, Сэмюэль Ноам Валентинер, — произносит она так, будто я этого не знаю.

На втором этаже отделение интенсивной терапии для пациентов, которые живут в тишине и одиночестве. Потому они сюда и поступают. В Веллингтонскую больницу, отделение неврологии. В Лондонский центр по изучению мозга. Что-то вроде НАСА среди неврологических отделений.

Шейла Уолкер протягивает мне план формата А4, абсолютно такой же, как вчера и позавчера. Она уверенно обводит красным маркером то место на плане, где мы находимся, и то место, куда мне нужно попасть, и показывает самый короткий путь из точки А в точку В.

— Лучше всего тебе сразу поехать на том лифте до второго этажа, Сэмюэль Ноам.

Миссис Уолкер с таким же успехом могла бы работать в лондонской подземке.

— Кенсингтон — направо, прободение кишечника — прямо, морг — у автоматов с напитками, налево. Хорошего дня вам, мистер Сэмюэль Ноам Валентинер.

— Вам того же, мэм, — отвечаю я, но она уже и думать обо мне забыла.

В первый день со мной все же пришла мама. В ожидании лифта она сказала:

— Мы ничем не обязаны твоему отцу, понимаешь? Ничем. Мы пришли лишь затем...

— Я понимаю, — перебил я ее. — Ты не хочешь его видеть. Ты дала себе обещание.

— Как так? — спросила она через какое-то время раздраженно. — Как это ты все всегда понимаешь, Сэм? Ты еще слишком юн для подобных вещей! — Она протягивает мне план. — Извини, но все, что связано с твоим отцом, просто сводит меня с ума. Это какой-то кошмар, Сэм.

Ей не понравилось, что я втайне от нее спросил отца, не придет ли он в Колет-Корт на День отца и сына. «Проси не проси — его все равно не будет», — сказала она.

В тот момент ее голос переполнил меня, он подходил на аромат розмарина в дождливую погоду, такой печальный, приглушенный. Я чувствовал, как она любит меня в эту секунду, я понял это потому, что вдруг смог дышать, дышать по-настоящему, словно на вершине самой высокой в мире горы. Влажный комок, который я обычно чувствую в груди, исчез.

Порой моя любовь к маме ощущается так сильно, что я желаю своей смерти, ведь тогда она наконец-то смогла бы стать счастливой. Тогда у нее были бы только муж Стив и мой маленький братишка Малкольм. Они стали бы настоящей семьей, в которой есть отец, мать и ребенок, а не такой, в которой имеется отец, мать, ребенок и еще какой-то тип, который никогда не смотрит другим в глаза, читает слишком много научной фан-

тастики и рожден от человека, которого она терпеть не может.

— Послушай, давай я побуду у него, сколько захочу, но один. Подождешь меня в кафе? — предложил я.

Она обняла меня. Я чувствовал, как сильно ей хотелось бы согласиться и как сильно она этого стыдилась.

Моя мама не всегда была такой. Давным-давно она работала фотографом и ездила на войну. Тогда она ничего не боялась, ничего и никого. Но потом что-то случилось — я у нее случился, стал ее несчастным случаем, — и все изменилось. Сейчас она старается идти по жизни как можно неприметнее, будто хочет избежать внимания к себе со стороны несчастья.

— Ну пожалуйста, — прошу я. — Мне уже почти четырнадцать. Я уже не ребенок, *taman*¹.

В конце концов мама пошла в кафе, а я один отправился на второй этаж, к человеку, который является моим отцом, потому что однажды ночью, которую мама называет «неприятным моментом», она переспала с ним. Она никогда не рассказывала мне, где и почему это произошло.

Шейла Уолкер не смотрит мне вслед, когда я иду к лифту и поднимаюсь на второй этаж. В первую очередь мне нужно надеть халат поверх школьной формы, продезинфицировать руки до локтей и натянуть овальную белую маску, закрывающую рот и нос.

Отделение интенсивной терапии Центра по изучению головного мозга похоже на большой, хорошо освещенный склад. Вдоль трех длинных стен — *A*, *B* и *C* — стоят кровати, и на потолке

¹ Мама, матушка (*фр.*).

установлены крепления для шторок, чтобы можно было каждую кровать отделить голубыми шторками. Посередине зала возвышается платформа, на ней стол с компьютерными мониторами, за ними сидят врачи, они смотрят в мониторы или звонят по телефону. У каждого пациента свой санитар или своя сестра. Все смахивает на склад людей, к тому же пациенты в коме вместо имен обозначены буквами и цифрами: «А3 — снижение глюкозы», «В9 — возбужден». Они перестали быть реальными.

Мой отец среди этих нереальностей числится под номером С7.

В первый день его череп был побрит справа и украшен оранжево-красным йодным пятном. Широкие белые лейкопластыри удерживали на лице трубки дыхательного аппарата, кожа казалась синей, и зеленой, и фиолетовой. Цвета ночи, силы, сна. Когда я зашел в палату первый раз, я будто проглотил комок из вязкого, текучего бетона, который с каждым вздохом все затвердевал в животе. Этот бетонный шар с тех пор я так в животе и таскаю.

Я уже говорил, что я синни-идиот. Воспринимаю мир иначе, чем другие. Я вижу звуки, голоса и музыку цветными. Метро в Лондоне звучит серо-синим цветом, как седельная сумка с множеством ножей. Голос у моей мамы мягкий, тонкая пелена над замерзшим озером, он фиолетовый. У моего голоса сейчас вообще нет цвета. Когда мне страшно, он становится светло-желтым. Когда я разговариваю, он светло-голубой, как ползунки. Он ломается, и я предпочел бы молчать до тех пор, пока это не закончится.

Голоса людей, которые знают, кто они и на что способны, имеют зеленый цвет. Темно-зеленые

голоса, величественные и спокойные, как старый мудрый лес.

Я и числа вижу цветными. Восьмерка — зеленая, четверка — желтая, пятерка — синяя. Буквы — настоящие личности. «Р» агрессивная, «с» коварная, а «к» — скрытая расистка. «Ц» всегда готова помочь, а «ф» — настоящая дива. «Г» сильная и честная.

Заходя в помещение, я чувствую, какие эмоции здесь чаще всего испытывают. Если тени сгущаются так плотно, как над миссис Уолкер, я ощущаю, как тяжело на сердце у человека. У меня просто не получается смотреть людям в глаза. В них столько всего, и многого я не могу понять. Порой мне страшно: я вижу, когда они умрут. Такое со мной случалось, например, когда я смотрел в глаза кастеляну Колет-Корт или нашей соседке, миссис Логан.

Раньше синестезию называли патологическим состоянием. Патологической застенчивостью, патологической чувствительностью, а для семьи все это — настоящее испытание. Такие дети постоянно орут, чуть что — плачут и вообще ведут себя странно.

Взрослыми они зачастую оказываются в пограничных состояниях или превращаются в полных шизофреников, страдают депрессиями, многие кончают жизнь самоубийством, потому что не могут больше выносить этот мир и то, как они его видят. Гиперчувствительные плаксы.

Если бы против этого имелась таблетка, я проглотил бы ее не задумываясь.

Когда я в первый раз проходил по залу нереальных, мне показалось, что их души источают собственные им цвета. Вот так я вижу мир и с удовольствием отрекся бы от этой способности.

И вот я увидел этого мужчину на койке С7 и почувствовал... Совсем ничего.

Это было странно.

Такого со мной еще не случалось.

Но это правда: незнакомый мужчина лежал спиной на алюминиевой каталке, неподвижно. Вокруг него плотно сгустились тени. Лунные цвета. Глаза его были закрыты, и он ничего не источал.

Это «ничего» на какой-то странный, прохладный манер успокоило меня. Я осторожно присел на край койки.

По-прежнему ничего.

Мне стало легче. Если я ничего не чувствую, значит должен перестать скучать по отцу и мне не придется постоянно думать о нем, искать его везде и всюду. Значит, не нужно будет приходить сюда снова. Значит, мама будет довольна.

Но тут я увидел скубиду.

Скубиду изменил все.

Мой отец носил на запястье правой руки плетеный браслетик. Он был темно-синий, светло-голубой и оранжевый.

Я сделал его два года назад и подарил ему. По почте. Мама сказала, что он все равно никогда на наденет его. Сразу выбросит в мусорку.

Я поверил ей, как обычно, пусть даже и надеялся на противоположное. В конце концов поверил, что мой отец — именно тот человек, которого она всегда описывала. Грубый, эгоистичный, беспечный. Но вот он носит мой браслет. Носит дурацкий пластиковый детский браслетик в трех моих любимых цветах — ночи, моря и летнего утра.

Он его носит.

Георге Н.

Г 36 Книга снов : роман / Нина Георге ; пер. с нем. А. Баренковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 384 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-16885-5

Вниманию читателей предлагается «Книга снов», новый роман Нины Георге — автора международных бестселлеров «Музыка лунного света» (2010) и «Лавандовая комната» (2013). Генри Скиннер всегда был в пути, в движении — от войны к войне, от репортажа к репортажу, от одной опасности к другой... Несчастный случай остановил его именно тогда, когда он решил наконец встретиться с сыном и попытаться вымолить прощение у покинутой возлюбленной. Остановка оказалась более долгой, чем планировалось, — на больничной койке, в коме, в окружении умников-врачей и приборов со светящимися мониторами, между жизнью и смертью. Генри больше никуда не бежит, не исчезает, не уходит, и безмолвное его присутствие — источник и радости, и боли для Сэма, одаренного и чувствительного подростка тринадцати лет, и для Эдди, женщины, которая больше не танцует танго. Но незаметно для чутких приборов и докторов, в узком зазоре между «да» и «нет», между «здесь» и «там», ведется ожесточенная борьба за жизнь и любовь — борьба, в которой тоже есть место для жертвы и искупления...

Впервые на русском!

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Литературно-художественное издание

НИНА ГЕОРГЕ
КНИГА СНОВ

Ответственный редактор Сергей Антонов
Редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Лариса Ершова, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 03.03.2021. Формат издания $84 \times 100 \frac{1}{32}$.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 18,72.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ABA-25361-01-R